

К ПРОБЛЕМЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

В статье рассматривается проблема понимания смысла языка. Понимание основано на процедуре смыслового развертывания. Механизм актуализации действительности основан на процессе взаимодействия двух сфер языка: аконвенциональной (шум) и конвенциональной (речь). Фонетическая сторона (шум) обуславливает понимание смысла, в основе которого лежит диалектика различных элементов внутри самого языка.

Ключевые слова: смысл, актуализация смысла, конвенциональная сфера языка, аконвенциональная сфера языка, шум.

За последние десятилетия проблема значимости звуковых единиц речи приобрела кроме философского также и научный аспект. Ее изучению посвящены труды многих исследователей в области лингвистики, психологии, философии.

Уже древние философы связывали понимание бытия с постижением языка, осознавая его роль как посредника между бытием и человеческим сознанием.

Анализ философских исследований древних мыслителей позволил сделать вывод: речь – это сплетение, связь звуков, в которой и является сущность, отдельные же звуки подражают лишь свойствам или качествам вещи. В связи с этим возникла необходимость исследовать организацию звучащей речи. Любое высказывание предполагает расчленение его на набор составляющих (звуки, звукосочетания, слова, словосочетания и т.д.), связанных определенным смыслом. Связывая звуки, мы объединяем их в решающее единство. Часто, сами того не осознавая, мы обладаем техникой такого объединения. Говоря о способе явления смысла, не следует думать о проявлении какой-то сложной структуры внутри единства: смысл прост и неделим. Сложными могут быть системные взаимоотношения. Таким образом, значение имеют те системные связи, которые на данный момент актуализированы, и та целостность, в рамках которой они объединены или противопоставлены.

Чтобы «слышать» связь вещей, нужно воспринимать не отдельные звуки, а динамику (деятельность) звуков. Звучание – это не конкретно вот этот звук или тот, это со-бытие звуков друг с другом. Важно овладеть ритмом движения, присутствующим этому процессу. Это движение не может быть ни локализовано, ни ограничено. Оно не может быть остановлено. Но без него, без силы этого движения не было бы способности фиксировать, «образ-овать» действительность. Одна-

ко, как только мы получили образ, мы упустили смысл, то живое, что двигалось, жило при движении и перестало жить (стало неподвижным) при фиксации. Не только «фиксация содержательного момента через звук обозначается в нем, но ему придается определенное мыслительное качество, посредством которого он поднимается над чистой непосредственностью» [5: 143]. Звучать – это значит «оживлять» неизменное. В процессе звучания присутствует то, благодаря чему определяется реальное (объективное) положение дел, а также и способ, каким оно определяется. Для Гуссерля это Единство. Он говорит о сложной машине, которая представляет собой цепь более простых машин. Подобно этому, частные акты включаются в один целостный акт, который коренится в них как всепроникающее единство. «...Существует множество комбинаций, в которых акты слагаются в целостный акт...» [2: 186].

Любое озвучивание действительности – осмысленно. Однако на каждый момент времени какие-то системные связи востребованы, а какие-то нет. Это позволяет говорить о работе познания действительности как о последовательной актуализации тех или иных системных связей. Процесс осмысления звучащей речи представляет собой поток, в котором присутствует только «теперь». В связи с этим решающее значение приобретает момент связи в настоящем. Этот момент подвижен, он изменяется за счет смены способов озвучивания действительности. Речь идет об одной реальной ситуации и других различных способах ее озвучивания, которые могли бы иметь место в конкретном высказывании при других обстоятельствах. В связи с этим возникла необходимость обратиться к категории Dasein, которая и характеризует явления с точки зрения присутствия в качестве целостности человечески значимого существа – «наличного бытия» [1: 15]. Это присут-

ствие означает актуальное существование, которое во всеобщем бытии (Sein) содержится лишь в качестве возможности. Звуки речи в своем актуальном бытии выступают в роли определенной всеобщности; они не просто открывают моменты объединения (связи) системы, но являются центром перехода этих моментов друг в друга.

Механизм актуализации действительности основан на процессе взаимодействия двух сфер языка: аконвенциональной (имманентной) и конвенциональной (условной), а именно на процессе перехода первой во вторую. Определенная работа нашего сознания происходит еще до рефлексивного контроля, однако такая работа не является целиком бессознательной, поскольку она объяснима и фиксируется на уровне системы знаков.

Ту часть семантики, которая имеет непреднамеренный характер, мы назвали базовой. Процесс перехода безусловного в условное схематично можно охарактеризовать как осознание необходимого выбора одной из возможностей. Сознание не умеет воспринимать два проекта одновременно, а значит, какая-то часть всегда остается неактуализированной. Те звуки, которые обеспечивают определенную актуализацию действительности, мы назвали звуками речи, остальные – шумом. Сфера шума всегда шире. Произнося определенное сочетание звуков, мы не ограничиваемся тем, что выбрали одну из возможностей. Избирая именно эти звуки, мы как бы определили, что им присуще нечто общее. Зная, что сочетание звуков может быть иным, мы избираем именно те, которые принадлежат данному смысловому континууму (или единству). Смысловой континуум – это сфера явления действительности познающему субъекту в данный момент времени. Феноменальная данность проступает как бы через призму смысловых конструкций.

Речь присутствует и развивается между моментами актуализации действительности. Происходит это последовательно, так как мы не умеем «скакать» внутри речи. Однако в разные моменты времени фиксируются разные части речи. Следовательно, между актами восприятия происходит развертывание речи от одной части к другой. Но это не означает, что мы вообще не воспринимаем речь, а всего лишь «переводим взгляд» с одной ее части на другую. Речь не дана нам как вещь, ее надо всякий раз конструировать заново.

Единственный критерий достоверности соотнесения имманентной сферы с тем, что актуально дано, – это «подтверждение» наших допущений, их явление. Из этой характеристики следует возможность негативной оценки имманентной сферы. Такая оценка вызвана тем, что статус достоверного (истинного) знания приобретают лишь те суждения, которые имеют прежде всего рационально и методологически выверенное обоснование. Другими словами, предпонимание не отвечает главному условию, с точки зрения рационализма, научного знания – в нем нет рациональной доказательности, что может привести к утверждению, что сфера предпонимания (шум) затрудняет познание истины. Но отсутствие доказательства не является достаточным основанием, чтобы установить отсутствие истины. Затрудняет познание не предпонимание, поскольку требовать его преодоления будет, на наш взгляд, означать примерно то же, что провозглашать лучшим средством от головной боли гильотину. Шум и образует пространство предпонимания. Он является некой предварительной ступенью на пути восприятия звучащей речи. Выражение (звукоряд) не является подлинным выражением активности действительности, оно лишь контролирует мыслимость «с точки зрения возможных алогических судеб» [3: 548]. Шум, по сути своей неупорядоченный, проходя различные стадии оформления, в конце этого процесса «напрягается до слова, до логоса» [3: 606]. Более важным представляется определение соответствия элементов предпонимания действительному положению дел. При этом следует учитывать два основных аспекта: теоретико-философский и психологический. Нас интересует прежде всего первый, который должен быть рассмотрен в связи с проблемой герменевтического круга, то есть круга понимания. Предполагаемое в связи с этим проективное набрасывание смысла (набросок) на объект до фактического его обозначения (называния) и означает выявление имеющегося предпонимания. Первым шагом, очевидно, должно быть рефлексивно осознанное определение предпонимания (сферы шума) как объективного предварительного условия дальнейшего осмысления объекта (ситуации) в звуках речи, уже принятых и понятых в рамках имеющейся системы. Даже если речь идет об освоении действительности как о переживании, это происходит согласно методологической посылке, высказанной в свое время Э. Фром-

мом: «переживание может дойти до сознания только при условии, что его можно постичь, соотносить и упорядочить в рамках концептуальной системы с помощью ее категорий» [4: 345]. Но этот шаг, особенно с точки зрения рационалистических ценностей, вовсе не обязательно свидетельствует об адекватной оценке ситуации.

Второй шаг на пути «озвучивания» ситуации предполагает рассмотрение уже выявленной имманентной сферы (сферы предпонимания) с точки зрения ее «научной правильности», то есть проверенности или проверяемости на предмет соответствия эмпирическим фактам. Эти операции мыслительной деятельности должны обеспечить действительную объективность исследуемого предмета (а именно звукоряда), вывести его за пределы имплицитной заданности. В то же время имманентная семантика не перестает быть таковой, хотя на данном этапе она уже не может быть так названа, но объективно она продолжает выполнять ту же роль, а именно служит базой для формирования более высоких уровней осмысления действительности, которые к данному моменту еще не сформированы. При этом нельзя не учитывать и психологический аспект, который прежде всего связан со сферой бессознательно. Согласно психологической теории далеко не все, что соответствует или противоречит принятой в данной культуре логике, вообще допускается в сознание.

Прежде чем сознание начнет «работать» с имманентной сферой, она еще должна быть «допущена» в него. Таким образом, возможные трудности исследуемого вопроса связаны как с самим фактом существования имманентной сферы, так и с определенными закономерностями организации ее элементов в процессе перехода к конвенциональной сфере. Пути преодоления этих трудностей связаны, по нашему мнению, со способностью человека рефлексивно осознанно относиться ко всем фактам своего сознания, включая и имманентную (безусловную) сферу – сферу шума, являющуюся базовой при переходе к конвенциональной (условной) сфере языка. С другой стороны, необходимо также считаться с тем, что имеющаяся аконвенциональная сфера складывается и развивается в рамках определенной культуры.

В самой акустической природе звука, в нашем восприятии его уже заложено представление о наличии значимости. Это позволяет гово-

рить о связи проблемы понимания смысла языковых знаков с тем, какую роль в языке играет его фонетическая сторона, что в свою очередь приводит к вопросу: как именно в познании смысл зависит от звука? В силу того, что различные факты объективной действительности находят отражение в человеческом мышлении и языке, возникает необходимость в выявлении «игры» этих фактов, которая и обуславливает специфическое отображение диалектики всеобщего и единичного, актуального и потенциально возможного, условного и безусловного, целого и его частей в системе языка.

Смысл не присущ ни одному естественному объекту природы ни субстанционально, ни акцидентально, вне охваченности его (объекта) человеческим познанием. Смысл придается (а потому и может быть «дан» или «взят», воспринят) объекту только в когнитивных или коммуникативных процессах, протекающих в человеческом обществе. Поэтому и звуки, точнее, то, что улавливается познающим субъектом при встрече с действительностью или субъектами в актах коммуникации в качестве звуков, имманентно не одарены смыслом, не являются его местом порождения и бытования. Мало того, и культурные феномены, в том числе звуки речи, являются носителями или «седалищем», вместилищем смысла только метафорически, а вернее, потенциально; актуализация семантических свойств и возможностей объектов культуры происходит опять-таки в действии, в познании и общении людей. Хотя есть существенная разница в этом аспекте между только природными, с одной стороны, и природно-культурными, с другой, а также собственно искусственными феноменами в том отношении, что первые (естественные в точном смысле слова) не имели творца и поэтому имманентного идеального содержания, а вторые были реализацией некоторого плана, цели, а потому изначально несут в себе схему или первоначальный идеальный план. Поэтому существует искушение счесть, что последние содержат в себе первородный смысл.

Вместе с тем мы вправе говорить об осмысленности объектов природы и социума, в частности о собственном смысле речевого звука, составляющего элементарный, базисный уровень человеческой речи. Кроме того, существует и онтологическая предпосылка такой осмысленности, которая отражается в философской категории «содержание». Другими словами, содержательность

любого объекта действительности есть самая глубокая предпосылка всякой осмысленности, и она проявляется как осмысленность в сферах человеческого бытия, сознания, познания.

Таким образом, фонетическая сторона языка обуславливает понимание смысла, в основе которого (понимания) лежит диалектика различных элементов внутри самого языка.

Необходимо обратить внимание на еще одну сторону дела. Выше мы говорили о том, что смысл присущ звуку, субстанционально или акцидентально, только в рамках человеческого бытия, а не просто природного. Однако не присущ ли в таком случае смысл собственно природным объектам реляционно, как отношение? Здесь необходимо еще раз указать на имеющееся различие субстанционального и функционального подходов, действующих как в теории познания и онтологии, так и в лингвосемиотике, лингвогерменевтике, фоносемантике. Существенную методологическую роль в связи с этим играет разделение се-

миотики на семантику и прагматику: оно совершилось именно в итоге применения упомянутых разных подходов, выросших, в свою очередь, еще из средневекового реализма и номинализма.

В основе процесса понимания лежит диалектика различных элементов внутри самого языка. Понимание целого смысла в языке зависит, с одной стороны, от понимания его наименьших значимых единиц, а именно звуков речи, а с другой – само оно обусловлено пониманием целого. Тогда фонетический слой языка как составная часть входит в так называемый «круг понимания», в котором рождается смысл. Уже на фонетическом уровне языка в диалектике конвенционального и аконвенционального содержатся предпосылки появления смысла. Его появление зависит от актуализации возможных альтернатив, которые предоставлены нам в звуке. Подтверждение этому мы находим в сравнительно-историческом анализе фоносемантических особенностей различных языков.

21.04.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Ахутин А. Dasein (Материалы к толкованию) // Логос. – Философско-литературный журнал. – 1990. – 4. – С. 12-24.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. – М.: Прогресс, 1983. – 752 с.
3. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1995. – 132 с.
4. Фромм Э. Душа человека. – М.: Прогресс, 1992. – 430 с.
5. Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. – Leipzig u. Berlin, 1978. – 351 s.

Сведения об авторе: Зайченко Марина Адольфовна, доцент кафедры философии
Института экономики, управления и права, кандидат философских наук.
420111, Казань, ул. Московская, 42, тел.: 8 (843) 2319290, e-mail: zaichenko@ieml.ru

Zaichenko M.A.

On the problem of epistemological essence of vocal speech

The article studies problem of understanding of the sense of speech. Understanding is based on procedure of sense expansion. Reality actualization mechanism is based on the process of interaction between two spheres of speech: aconventional (noise) and conventional (speech). Phonetic sphere (noise) stipulates for understanding of the sense which basis is formed by dialectics of different elements inside the language.

Key words: sense, actualization of sense, conventional sphere of speech, aconventional sphere of speech, noise.

Bibliography:

1. Ahutin A. Dasein (Materials to the interpretation) // Logos. – Philosophical-literary magazine. – 1990. – 4. – P. 12-24.
2. Husserl E. Logical Research. – M.: Progress, 1983. – 752 p.
3. Losev A.F. Form. Style. Expression. – M.: Mysl, 1995. – 132 p.
4. Fromm E. The Human Soul. – M.: Progress, 1992. – 430 p.
5. Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. – Leipzig u. Berlin, 1978. – 351 s.